

Действие происходит в наши дни

А. АНАСТАСЬЕВ

НАША драматургия оставила мету на каждом этапе истории Советской страны: революция и гражданская война, первые подступы к строительству новой жизни и годы социалистических пятилеток, пора Великой Отечественной войны и такое бурное, насыщенное историческими событиями последнее пятидесятилетие...

Мы справедливо сетуем на то, что наши драматические писатели и театры недостаточно глубоко отражают современную жизнь. Но очень важно замечать явления, которые радуют, обнадеживают.

«Третья патетическая» Н. Погодина и «Иркутская история» А. Арбузова — это сочинения, которые, уверен, останутся вехами на пути советской драматургии.

«Барабанщица» А. Салынского обошла многие наши сцены и привлекла зрителей драматической судьбой героини Отечественной войны. В конце сезона Центральный детский, а затем Малый театры поставили «Неравный бой» В. Розова, комедию, исполненную светлой веры в победу чистого человеческого чувства над хамством. О верности долгу в самом высоком, гуманистическом смысле этого слова повествует «Якорная площадь» И. Штока.

Можно назвать и другие интересные произведения, написанные в разных жанрах. Но не о них в отдельности стоит сейчас говорить. Мне кажется, что новые пьесы о современности — и удачные и неудачные — наталкивают на общие мысли о драматическом отражении нынешнего дня. И если в этих заметках, посвященных минувшему сезону, мы говорим, главным образом, о пьесах, то это потому, что, конечно же, в репертуаре, прежде всего, выявляются содержание и направленность сценического искусства.

ОЧЕНЬ дорого, когда пьеса дышит воздухом времени, когда в ней ощущается то главное общественное настроение, которым живет сейчас страна. Что же это главное? Созидание, труд, стройка — недаром ведь нынешний этап жизни зовется периодом развернутого строительства коммунизма.

Надо думать, передать это настроение времени хотел в своей пьесе «Сын века», поставленной в Москве театром имени Гоголя, драматург И. Куприянов. Не удалось. Не удалось потому, что, прежде всего, заданность, элементарность фигуры парторга Большакова не позволили ему стать не только сыном века, но вообще живой человеческой личностью.

Сейчас закончил и передал Малому театру свою вторую (после «Трассы») пьесу И. Дворецкий. Пьеса называется «Взрыв», и дей-

ствуют в ней строители и взрывники «где-то между Леной и Ангарой», на самом боевом участке громадного строительства, в самый ответственный момент. Пусть прочитают эту пьесу те, кто с порога отметаёт «производство» на сцене: они убедятся, что высокое напряжение живых и сильных характеров в труде вырастет в высокое драматическое напряжение искусства.

Но только ли так можно передать время в его важнейших приметах и масштабности? Нет. «Иркутская история» А. Арбузова, помимо всего прочего, интересна тем, что она необычайно расширяет наши представления о современности драматического произведения.

Приходилось слышать такие суждения: стройка на Ангаре — это

ЗАМЕТКИ О МОСКОВСКОМ ТЕАТРАЛЬНОМ СЕЗОНЕ

только фон, на котором разыгрывается любовная история героев. Но это же тяжкое заблуждение! Действительно, мы ни разу не видим смену Сергея Серегина у экскаватора, за работой. Но присмотритесь поближе к Сердюку, Сергею, Виктору, Родиону — они не только живут работой, нет — в труде спаялась их дружба, труд стал для них высшей мерой всех вещей. Прислушайтесь, как тепло, сердечно, словно о друге, говорят строители о своем «шагающем» — уже в самой этой интонации мы ощущаем современное, сегодняшнее в психологии человека.

Что оттого, что в пьесе ни разу не произносятся слова: бригада коммунистического труда? Без флажка на экскаваторе, без надписи мы признаем это право за серегинской сменой, потому что в ее жизни и впрямь видно коммунистическое начало — в отношении к труду и к человеку. И выражено оно, это начало, в мыслях и поступках героев. «Соревнование — дело коммунистическое. Чистое, проще говоря» — в этом вовсе не научном определении Сердюка большой человеческий смысл коммунистического дела.

Язык, способ выражения мысли — это ведь тоже примета времени. В драме она особенно важна, ибо нет у писателя другого средства, кроме слова, для раскрытия харак-

тера героя. Послушайте, как говорят арбузовские герои: просто, сдержанно, скупое, особенно когда речь идет о большом, важном. Они не терпят декламации о своем коммунистическом первородстве, не любят, когда их убеждают в том, в чем они и так убеждены. В этом — современность людей «Иркутской истории».

Действие пьесы О. Скачкова «Взломщики тишины» тоже происходит в наши дни, в Москве, в коммунальной квартире. Что же, и в таких квартирах живут наши современники. Только О. Скачков не заметил их. Первое, что производит удручающее впечатление, — это язык действующих лиц. Одни из них постоянно умничают, изрекают многозначительные, чаще всего нелепые афоризмы, другие в своем развитии ненамного обогнали небезызвестную Эллочку Щукину.

В пьесе не раз говорится о призвании человека, о жизни поколений первой половины века, о коммунизме, но все это так витиевато, что диву даешься можно. А потом понимаешь: язык персонажей «Взломщиков тишины» очень точно передает их внутреннее существо. Никакими внешними прикрасами не скроешь мещанского убожества мыслей и чувств этих людей.

Зачем же позвал нас драматург в этот «старинный особняк, напоминающий декорацию из «Горя от ума»? Чтобы открыть нам лицо современных мещан, остеречь от его тлетворного влияния? Совсем нет. Он призывает нас внимать безвкусным речениям своих героев и увидеть в них людей, серьезно размышляющих о современной жизни. Он упивается моральным неустойством своих страшно бедных духом героев и хочет, чтобы мы разделили его чувства. А под занавес по радио поется песня «для работников целинных земель»:

Кто любит Родину, как мать,
Не должен от трудов бегать,
В труде с войной большое

сходство,
Иди на подвиг в производство.
И дальше:

Мы лихие комсомольцы, впереди
всегда,
Наше сердце наполняет радость
от труда...

Каково? Право же, все это звучит, как издевательство и над правдой, и над вкусом, и над зрителями, которым совсем неинтересны претенциозные рассуждения старых и молодых людей, мнимую современность которых автор удостоверяет бодряческой песенкой в исполнении, как сказано в ремарке, «красивого тенора»...

Я задержал внимание на плохой пьесе О. Скачкова потому, что она, к сожалению, не единственная в этом роде. И, конечно, напрасно ею прельстился самый молодой московский театр с обязывающим названием — «Современник».

Да, приметы и дух времени можно выразить на любом плацдарме жизни — от строительной площадки до самой маленькой комнаты. Но только в том случае, если писатель знает и любит современника, чутко слышит главную мелодию в музыке действительности, а кроме того, если он правдивый художник.

ОБЫЧНО, когда говорят о герое нашего времени, запечатленном в драматическом произведении, имеют в виду и такое его свойство, как пример для жизни. И это правильно, если, конечно, понятие «пример» толковать не как примитивный и мертвый эталон, а как человека, обогащающего своей жизнью наш жизненный опыт. Вот почему абстрактный разговор о чертах положительного героя всегда отдает схоластикой: мало сказать, герой — надо открыть личное, конкретное, индивидуальное этого человека. Не открыл таких черт в своем Большакове И. Куприянов, и Большаков не стал никаким примером для других.

А академик Дронов из пьесы С. Алешина «Все остается людям» стал. «Барабанщица» Нила Снеж-

(О очнание на 3-й стр.).

23 ИЮН 1960

Московский Права
с. Москва

Действие происходит в наши дни

(Окончание. Начало на 2-й стр.).

ко, Сердюк и Сергей Серегин из «Иркутской истории», мать и юный Олег из розовской пьесы «В поисках радости» тоже стали примерами, ибо эти герои вошли в наше сознание как люди со своим характером, своей судьбой. Вошли и обогатили наш духовный опыт, вызвали какие-то, пусть отдаленные ассоциации в жизни каждого из нас. В этом и заключается их пример, образец.

Но вот вопрос: не сужаем ли мы понятие положительного героя, героя нашего времени? Ведь если такой герой призван помочь нам в жизни, подсказать верный путь, когда и у нас встретятся, пусть другие, нежелая у него, трудности, остережись от ошибки, от равнодушия, словом, умножить наш опыт — то только ли человек сложившейся высокой коммунистической морали может сделать это?

В статье «Современники» («Советская культура» № 34) Н. Громов пишет: «Когда заходит речь о герое нашего времени, естественно, возникает предположение, что он должен воплощать в себе лучшие качества, присущие советским людям». Естественно. Но Валентина из «Иркутской истории» воплощает в себе лучшие качества, присущие советским людям? Вряд ли. Молодая женщина по прозвищу «Валка-дешевка» явно не доросла до того, чтобы называться «положительной героиней»: культурный уровень не тот, да и морально не очень устойчива. И уж во всяком случае

она не выдержит требований Вл. Пименова, который считает, что «положительный герой... должен быть по-своему энциклопедистом» («Литературная газета» № 32). Пожалуй, такое требование чрезмерно, и самая интонация «долженствования» не оправдана, но не об этом сейчас речь.

Дело в том, что драматическая судьба Валентины обогащает наш духовный опыт, заставляет нас задуматься о том, как жить, не менее глубоко, чем образ Сергея Серегина, ибо на наших глазах родился человек для коммунизма.

Пусть в наших пьесах будут герои, которые идут во главе колонны. Если они наделены живым характером, если раскроются перед нами драматически, они наверняка посеют в сознании зрителей ростки коммунистической морали. Но не будем отказывать в имени героев нашего времени и тем, чей характер формируется на глазах.

КОМЕДИЯ. Давно мы уже печалились, что этот веселый и прекрасный жанр драматической литературы то ли не в чести, то ли не получается у наших писателей. И сейчас приходится сказать, что современной комедии в ее сатирическом выражении, по существу, нет. Одиноко маячат острый гротеск С. Михалкова «Памятник себе» и хорошая комедия Л. Зорина «Добряки», которую сатирической можно, впрочем, назвать лишь условно. В других, не сатирических ответвлениях комедия в наши дни живет и множится.

Самой примечательной и талантливой из последних вещей кажется мне «серьезная» (как говорили в прошлые времена) комедия В. Розова «Неравный бой». Эта пьеса сильна своей гражданственностью, непримиримостью к враждебным самому строю нашей жизни явлениям. Значение «Неравного боя» особенно ощутимо сейчас, когда многие наши комедии строятся на пустяках, на мелких, хотя подчас и веселых недоразумениях.

Однако комедия ли «Неравный бой»? Это не праздный вопрос. Он возникает оттого, что в пьесе есть и подлинный драматизм, и нелепые человеческие судьбы. Режиссер А. Эфрос, талантливо поставивший «Неравный бой» в Центральном детском театре, пишет так: «Розов тонко чувствует юмор. Он один из тех современных писателей, которые умеют драму как бы облечь в форму комедии. И драма, как жанр, сегодня только вынуживает от этого».

И все же новая розовская пьеса — настоящая комедия. Дело не только в том, что она вся светится юмором, но в том, прежде всего, что ненавистные писателю хамы и грубияны, представленные как опасная сила, раскрываются во всем своем уродстве комедийно. Ведь это смешно, когда Роман Тимофеевич и его супруга Антонина, грубо попирая элементарные нормы человеческих отношений, всерьез убеждены, что за ними правда, что они-то как раз и формируют юные души. «Он еще и не человек, — говорит Роман о чистом,

хорошем юноше Славе. — Человека-то мы из него только делаем». Мы! Страшное несоответствие претензий и истинного существа этих людей, которым кажется нормальным грубое вмешательство в святая святых юной жизни — вот комедийная основа «Неравного боя». Беда пьесы в том, что В. Розов не наделил большей активностью Тихона, который по характеру, казалось бы, не мог так долго выносить зоологическое хамство братца. Но подростки, точнее юноши, как обычно у Розова, взяли на себя гражданские обязанности. Это с ними, с их ясными, чистыми, целодушными чувствами ведет неравный бой страшный и в то же время смешной в своем уродстве мещанин.

Однако самое полноводное русло нынешней комедии уводит нас к другим, более низким берегам. Не подумайте, что я против просто веселой комедии, против водевиля. Водевиль — прекрасная вещь!

Вряд ли «Весенние скрипки» А. Штейна можно отнести к этому жанру. Да и сам автор так не думает. Если что и роднит эту комедию с водевилем, то только пустяковое недоразумение, на котором строится весь сюжет: кто должен уехать из Москвы в Сибирь — «цветные» (работники института цветных металлов) или «черные» (институт черной металлургии)? Эта нехитрая пружина приводит, однако, в действие такие «силы», что мы с веселым смехом узнаем некие действительно смешные приметы нашей жизни. Вы подумай-

те только: квартиру инженера Петрищева в Юго-западном районе соседят и знакомые называют «ставкой» его супруги Алевтины Николаевны. Ставкой! И впрямь в пору смуты и тревог по поводу предстоящего, но не состоявшегося отъезда, в штабе Алевтины была фронтальная обстановка: звонки на периферию, реализация имущества, экипировка личного состава — себе Алевтина купила медвежью доху...

Далеко не все удалось писателю в его первом комедийном опыте. Неинтересными получились образы молодежи. Иногда действие, которое в такой комедии должно быть непременно быстро, замедляется, не получает новых, неожиданных толчков. И все же спектакль, поставленный Е. Зотовой в театре имени Маяковского, доставляет радость, создает хорошее настроение. Происходит это оттого, что даже самые пустяки, просто забавные положения и реплики увиденны и услышаны у нас, в нашей сегодняшней жизни.

И худо, когда более искушенный в делах комедии А. Софронов пишет свой «Миллион за улыбку» так, словно образцом ему послужила какая-нибудь старая-престарая французская комедия. Беда ведь не в самой ситуации — пожилой человек, уезжая, поручает свою молоденькую пасынку брату, а супруга, дабы вернуть изменника в лоно семьи, разыгрывает брак с другом. Комедия может вытерпеть любую сюжетную передерягу. Беда в том, что, кроме фамилий и каких-то совсем уже несущественных для пьесы

«дел», у персонажей «Миллиона за улыбку» нет ничего современного.

Видимо, чувствуя, что дело неладно, А. Софронов оговорился: это «комедия-шутка без нравоучений». Но писатель ошибся: в комедии нет ничего от жизни, а нравоучений в ней хватает. Главное из них — не следует пожилому, женатому человеку засматриваться на молодых девиц: плохо будет. Обидно, однако, что с нашей сцены преподаются подобные доктрины, да еще столь неприятными средствами.

Комедия требует от писателя изобретательского таланта — это верно. Но для каждого изобретения нужна почва, и такая почва — жизнь. Когда же драматург выдумывает ситуацию, не сообразуясь с тем, кто и в какое время действует в его пьесе, он неизбежно попадает в неловкое положение.

Успехи нашей драматургии радуют, обнадеживают. Неудачи тревожат. И очень хочется, чтобы хорошо начавшийся шестидесятый год принес новые, более обильные плоды. В писательских замыслах, напряженной работе, в обсуждении коренных вопросов и дальнейших путей нашей драматургии нельзя упускать из виду: драматическая литература не оданок, с ней накрепко и навечно срослось театральное искусство. Значит, у драматурга двойная забота, двойная ответственность: и за свой род литературы, и за театр, который не может дышать без хорошей современной пьесы.